
В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВОСХОЖДЕНИЕ КИТАЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ

Дробот Г. А.*

Статья посвящена прикладному использованию теории транзита власти на примере соперничества США и Китая. В начале статьи раскрываются основные положения теории транзита власти, среди которых отмечаются качество населения, уровень экономического развития и политическая зрелость. Опираясь на эти показатели, автор анализирует паритет власти между США и Китаем и приходит к выводу, что КНР значительно отстает от Соединенных Штатов. Внимание уделяется российско-китайским отношениям, где показано, что при усилении международных проблем Китая возможно их силовое решение за счет России.

Ключевые слова: сила, транзит власти, война, американо-китайские отношения, китайско-российские отношения.

The article is devoted to the applied use of the Power transition theory by the example of the rivalry between the United States and China. At the beginning of the article, the main provisions of the Power transition theory are revealed, among which the quality of the population, the level of economic development and political maturity are noted. Based on these indicators, the author analyzes the power parity between the United States and China and concludes that China is way below the United States. The attention is paid to the Russian-Chinese relations, where it is shown that with China's increasing international problems, their possible solution by force may occur at the expense of Russia.

Keywords: power, transit of power, war, US-Chinese relations, Sino-Russian relations

Содержание теории транзита власти

Теория транзита власти возникла в Соединенных Штатах в 1950-е гг. А. Ф. К. Органски, а затем Р. Гилпин были первыми, кто сформулировал основные положения этой теории.

Вводя в научный оборот данную теорию, Органски пытался проанализировать мировую политику как иерархическую систему власти, или государств, в свете распределения силовых ресурсов или способности к ведению войны. Основные аргументы Органски содержатся в его книге «Мировая политика» (1958)

* Дробот Галина Анатольевна – д. полит. н., с. н. с. факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: gdrobot@mail.ru.

[Kai 2017], в которой он описывает международную систему как иерархию с доминирующим государством на ее вершине, контролирующим подавляющий объем силовых ресурсов. В ходе истории доминирующие государства меняются, как правило, путем войны.

Дальнейшие теоретические исследования другими теоретиками транзита власти представляют мир не просто как единое целое, состоящее из единственной глобальной иерархической системы, а как иерархическую систему сложной конструкции с региональными или локальными иерархиями. В соответствии с теоретиками транзита власти, региональные иерархии могут быть обнаружены в Южной Америке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии [*Ibid.*: 28]. Наш современный мир является иерархической системой с Соединенными Штатами на вершине пирамиды, контролирующими наибольшую часть силовых ресурсов, притом что их потенциальный соперник, Китай, обладает возможностью превзойти их в ближайшие десятилетия, особенно в области экономики. Следовательно, существует вероятность насильственного конфликта (если не большой войны) между США и Китаем, если Соединенным Штатам и другим членам доминантной системы не удастся вовлечь восходящую КНР.

Теоретики транзита власти рассматривают силу сквозь призму трех реалистских подходов: численности населения, которое может работать и воевать, экономического производства и эффективности политической системы [*Ibid.*: 28]. Исходя из этого, мы будем анализировать эти три элемента для сравнения относительной силы Соединенных Штатов и Китая.

Восхождение Китая

Совершенно очевидно, что Китай имеет бесспорное превосходство, касающееся первого элемента транзита власти (населения). В 2020 г. численность населения Китая увеличилась на 7 800 569 человек и в конце года составила 1 443 981 565 человек [Население...]. Прирост населения в Китае происходил даже в то время, когда проводилась политика «одна семья – один ребенок».

Численность населения, по мнению Органски, является важным условием в вопросе транзита власти. Это означает, что малые развитые государства, например страны Западной Европы, не будут участвовать в значимом транзите власти в отношении доминирующего государства, такого как Китай и, возможно, Индия в будущем. Это понятно, так как численность населения, которое страна может мобилизовать для целей экономического развития или военного конфликта, является решающим фактором в обоих случаях. Однако демографическая ситуация Китая имеет уязвимые места по сравнению с США. Это касается прежде всего сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и Тибете.

В СУАР со времен образования КНР происходят два процесса, способствующие усилению протеста.

Во-первых, заселение территории китайцами. В начале 1950-х гг. исламские народы, прежде всего уйгуры, составляли подавляющее большинство СУАР. Сегодня из 20 млн населения этого района на долю уйгуров приходится 45 %, а на

долю этнических китайцев (ханьцев) – 41 %. Это если не считать армию и спецслужбы, которые почти исключительно состоят из ханьцев.

Во-вторых, не преодолена сегрегация уйгурского и китайского населения. Два народа живут практически изолированно друг от друга. Уйгуры стараются сохранить свою культуру, письменность. Попытки перевести письменность на латиницу ничего не дали, ее носители по-прежнему привержены арабской графике. Это ведет к тому, что уровень образования у них ниже, чем у тех, кто овладел китайской письменностью и учится в китайских школах.

Поэтому уйгуры – наиболее бедная, малограмотная часть населения. Они сегодня живут так же, как и сотни лет до этого: в лучшем случае занимаются торговлей, а в основном – оазисным земледелием в пустынных частях Синьцзяна. Китайцы СУАР, как правило, живут в городах, в современных домах, построенных в последние годы. Здесь небоскребы, банки, отели, рестораны. Уйгуры в основном живут в сельской местности в глинобитных домах, стоящих на пыльных улицах.

КНР догоняет Соединенные Штаты в сфере экономической силы. Например, по данным Всемирного банка, даже в 2008 г., во время глобального финансового кризиса, который серьезно ударил по американской экономике, китайский ВВП в год занял третье место в мире с 4,326 млрд долларов; при этом Китай показывал 9,4 % ежегодного экономического роста, в 2009 г. – 7,5 % и 8,5 % в 2010 г. Это особенно впечатляет на фоне рецессии, охватившей Запад, включая Соединенные Штаты. Вследствие этого китайская экономика продолжала сокращать разрыв с США в экономической силе. Согласно Всемирному банку, китайский ВВП составлял примерно 12 % от американского в 2001 г., но эта цифра выросла до 59 % в 2014 г. Заметим, что, по мнению экономистов, объем экономики определяется не только размером ВВП, но и технико-технологическими параметрами. В этом отношении экономика Китая существенно отстает от американской [Kai 2017].

Китайскую экономику называют «сборочным цехом мира». Инвестировать в КНР выгодно из-за дешевизны рабочей силы, и практически все ведущие компании это делают. Роль китайской рабочей силы – собрать из зарубежных высокотехнологичных деталей готовую продукцию. Это далеко не «мастерская мира», чем была в свое время Великобритания.

В 2014 г. ВВП на душу населения в Китае составлял 7,594 долларов, все еще далеко отставая от аналогичного показателя Соединенных Штатов с их 54 630 долларов и представляя всего лишь 13 % от показателя Соединенных Штатов. Даже если измерять другим методом, китайский ВВП по паритету покупательной способности на душу населения представлял только 8 % от американского показателя в 2001 г. и только 23 % в 2014 г. Отсюда возникает вопрос: насколько в действительности силен и богат Китай?

КНР, действительно, добилась исторически значимого экономического роста за последние несколько десятилетий, который был значительно выше, чем те же показатели у доминирующих Соединенных Штатов; и, хотя будущее неопределенно, представляется неизбежным, что этот экономический рост продлится в обозримом будущем. Между США и Китаем установится силовой паритет,

независимо от того, как он будет измеряться в объемах ВВП. Следует учитывать: большинство сторонников теории транзита власти полагают, что два соперника достигнут паритета власти только тогда, когда претендент достигнет 80 % силовых ресурсов доминирующей нации [Kai 2017: 36]. Пока же Китай все еще находится далеко позади США по показателям ВВП и ВВП на душу населения, количеству военных баз за рубежом и другим качественным показателям типа высоких технологий и промышленной креативности.

Как великая держава, Китай кажется богатым и могущественным, но в то же время страна относительно бедна и слаба. Фактом является то, что КНР – богатая страна с относительно бедным населением. В последние годы в Китае быстро растет число миллионеров, западный мир не перестает удивляться покупательной способности китайских туристов, в Китае больше, чем в какой-либо другой стране мира, небоскребов. Но истина состоит в том, что при огромной территории разные ее регионы развиты по-разному, есть огромные районы, очень бедные в социально-экономическом отношении. В то время как молодежь стремится в новые богатые города на восточном побережье, несметное число маленьких городков и деревень с престарелым населением кажутся забытыми окружающим миром. Местные правительства в центральных и западных регионах борются за достойный образ жизни для своих жителей, с тем чтобы эти территории могли догнать богатые области Востока. Исходя из этого, Китай фактически является существенно *несбалансированной развивающейся страной*.

В целом «китайское чудо» очень отличается от успешного развития других стран, и связано это с уникальной политической системой Китая. Весь мир озабочен восхождением КНР, главным образом потому, что Китай предлагает остальному миру новую модель. Но фактом является то, что экономический успех этой страны никоим образом не доказывает «Пекинский консенсус»; Китай зависел от доминирующей западной системы, которая дала ему возможность инициировать свободные рыночные экономические реформы. Эти реформы предоставили КНР возможность получить не только огромные зарубежные инвестиции, но также технологии и искусство менеджмента. Исходя из этого, «китайское чудо» является комбинацией твердой веры китайцев в свою политическую культуру и традиции и восприятия западной экономической культуры. Таким образом, экономический успех Китая ни в коей мере не может рассматриваться как идеальная модель, которая превалирует в современной финансовой и экономической системе при лидерстве Соединенных Штатов, даже если эта система нуждается в инновациях и реформах.

Что касается США, пожалуй, самая острая проблема в их экономике – это проблема госдолга, который сохраняется и после кризиса 2008–2009 гг. и достиг в январе 2012 г. 100 % от американского ВВП. Огромный госдолг Соединенных Штатов и дефицит федерального бюджета во многом были связаны с военными расходами и в целом с расходами на обеспечение безопасности США.

Как считают А. А. Кокошин и А. Н. Панов, финансовый кризис на Западе, ошибки в кризисном управлении со стороны США и ЕС в глазах КНР (равно как и многих других государств) нанесли ущерб имиджу «западного превосходства» в менеджменте. При этом высокие темпы роста в Китае, а также в Индии и Брази-

лии для многих в Пекине и в целом в мире стали демонстрацией ускоряющегося исчезновения трехсотлетнего доминирования Запада в экономике и политике [Кокошин, Панов 2016].

Независимо от того, как быстро Китай будет развиваться, экспортируя дешевый труд и дешевую продукцию и получая большое количество зарубежных инвестиций, непростая истина заключается в следующем: КНР все еще относительно бедна, слаба, имеет огромное стареющее население. Как было показано выше, население является одним из основных факторов национальной силы. Однако Китай остается на относительно низком уровне по ВВП на душу населения. Это создает дилемму не только для Пекина, но и для Вашингтона. Является ли Китай реальной угрозой, то есть достаточно ли он богат и силен, чтобы подниматься и дальше и на равных конкурировать (или даже догнать) США и доминирующую западную систему без того, чтобы не разорить себя?

Китай еще довольно длительное время будет ориентирован на собственные сложные внутренние проблемы. Все внешние проблемы он и впредь будет рассматривать через внутренние, через призму того, обеспечит ли это экономический рост, поставки ресурсов и т. п. В этом плане позиция Китая напоминает поведение США в конце XIX – первой половине XX в. с их изоляционизмом при бурном экономическом росте. Такое сравнение очень полезно в плане ответа на вопрос, сможет ли Китай повторить путь США и стать главным центром Мир-Системы. При сравнении, однако, выявляется значительная разница в очень важных отношениях.

1. Еще не претендуя на лидерство, США в конце XIX в. стали ведущей экономикой мира, обогнав Англию и Германию по общему объему ВВП и сравнявшись с Великобританией по ВВП на душу населения.

2. Производительность труда в США была очень высокой, в некоторых отношениях – наивысшей в мире. В Китае же производительность труда низкая.

3. США стали признанным инновационным лидером в техническом и организационном плане в начале XX в. (система научной организации труда Тейлора, система конвейерного производства Форда и т. п.), а в ряде отношений и намного ранее. Экономика же Китая в основном развивается на неинновационных и даже устаревших технологиях. Китайцы упрашивают США продать им высокие технологии.

4. Низкий уровень зарплаты – важнейшая часть китайской модели быстрого развития. Между тем уже в конце XIX в. зарплата в США была существенно выше европейской, что и послужило одной из главных причин наплыва туда иммигрантов.

5. Экономика США в отличие от китайской никогда не была экспортно ориентированной.

Поэтому с трудом верится, что в ближайшие десятилетия мир окажется в таком состоянии, чтобы позвать на место лидера Китай [Гринин 2012: 58–60].

Вероятность войны за международное лидерство

Среди всех условий и факторов, которые способны спровоцировать войну между доминирующей державой и ее соперником, силовой паритет является важ-

нейшим. Другим важным фактором возникновения насильственного конфликта между доминирующей нацией и ее соперником является неудовлетворенность последнего существующими правилами функционирования международной системы. Это дает сопернику больше уверенности в противостоянии доминирующей державе. Теоретически в анализе транзита власти между великими державами ключевым пунктом является вопрос, как усилить удовлетворение соперника существующей системой, поскольку силовой паритет весьма относителен.

Степень удовлетворенности

Это один из наиболее дискуссионных вопросов в теории транзита власти. Будучи широко распространенным, данный термин является в определенной степени трудноуловимым.

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что доминирующая держава в большинстве случаев удовлетворена своим статус-кво, потому что контролирует большую часть силовых ресурсов и лидирует в альянсах, к которым принадлежит. При этом доминирующая держава, конкретно США, способна также притворяться, что удовлетворена существующим статус-кво, одновременно пытаясь изменить международные правила [Chan 2008].

Вопрос, достигнет ли Китай значительной степени удовлетворенности, остается проблематичным и нуждается в регулировании. Как пишут Рональд Таммен и Джейсек Куглер в книге «Транзит власти и китайско-американский конфликт», в 1990-е гг. в отношениях между США и Китаем не было большого различия в степени удовлетворенности; две страны поддерживали относительно стабильные отношения, колеблющиеся между нейтралитетом и кооперацией [Power... 2000]. По мере того как сила Китая продолжает расти, вероятность войны возрастает, однако обе стороны имеют выбор. Неудовлетворенный Китай наверняка усилит свою враждебность по отношению к Соединенным Штатам. США попытаются умерить неудовлетворенность Китая. Это будет стратегия, признающая важность взаимно выгодных связей.

Вопрос в том, будет ли Китай в последующие годы державой статус-кво или *ревизионистской державой*. Китайская концепция угроз очевидно представляет КНР как ревизионистскую державу, которая будет пытаться реконструировать региональную и даже глобальную силовую структуру. Как пишут Рональд Таммен и Джейсек Куглер в книге «Транзит власти и китайско-американский конфликт», в 1990-е гг. в отношениях между США и Китаем не было большого различия в степени удовлетворенности; две страны поддерживали относительно стабильные отношения, колеблющиеся между нейтралитетом и кооперацией [Tammen, Kugler 2006: 215]. Однако в условиях взаимозависимости и глобализации Китаю не удастся бросить вызов возглавляемой США западной системе, которая слишком глубоко внедрилась в современный мир, чтобы Китай мог полностью ее свергнуть.

Китайско-российские отношения как противостояние возможности глобальной войны

Наихудший вариант развития событий заключается в том, что в российско-китайских отношениях произойдет смена стратегических ролей, изменится ситу-

ация на российском Дальнем Востоке, возможно косвенное влияние Китая за борьбу между центром и регионами в России, которое может увеличиваться, а Москвы – уменьшаться [Межкультурное... 2019; Теория... 2020]. Неизвестно отношение в Азии к возможному объединению двух Корей и к дрейфу Тайваня в сторону независимости де-юре. В Центральной Азии нарастают этнические, клановые и религиозные противоречия, а их основой во многом является передел природных ресурсов и границ. В этом случае стратегическая пограничная зона между Россией и Китаем может исчезнуть, так как КНР в условиях внешних проблем наверняка захочет вмешаться в дела богатой полезными ископаемыми России.

Таким образом, в XXI в. Китай будет оказывать большое влияние на российскую внешнюю, внутреннюю, оборонную политику, экономику, демографию, в связи с чем политическим лидерам России надо осознать все это и подготовиться принять вызов Пекина.

Литература

Гринин Л. Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 43–61.

Кокошин А. А., Панов А. Н. Макроструктурные изменения в мировой политике до 2030 года. М. : URSS, 2016.

Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение: коллективная монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2019.

Население Китая [Электронный ресурс]. URL: https://countrymeters.info/ru/China#population_2020.

Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2020.

Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. New York : Routledge, 2008.

Kai J. Rising China in a Changing World. Singapore : Springer, 2017.

Power Transitions Strategies for the 21st Century / ed. by R. L. Tammen *et al.* New York : Chatham House Publishers, 2000.

Tammen R. L., Kugler J. Power Transition and China – US Conflicts // Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. Pp. 35–56.

References

Grinin L. E. Kitajskaja model' i perspektivy liderstva Kitaja v mire [The Chinese Model and Prospects for China's Leadership in the World] // Vek globalizatsii. 2012. No. 2. Pp. 43–61.

Kokoshin A. A., Panov A. N. Makrostrukturnyje izmenenija v mirovoj politike do 2030 goda [Macrostructural Changes in the World Politics Until 2030]. Moscow : URSS, 2016.

Mezhkul'turnoje vzaimodejstvije Rossii i Kitaja: global'noje i lokal'noje izmerenije [Intercultural Interaction Between Russia and China: Global and Local Dimension] : collective monograph / ed. by A. N. Chumakov, Li Khey. Moscow : Prospekt, 2019.

Naselenije Kitaja [China's Population]. URL: https://countrymeters.info/ru/China#population_2020.

Teorija i praktika rossijsko-kitajskih otnoshenij [Theory and Practice of Russian-Chinese Relations] : monograph / ed. by A. N. Chumakov, Li Khey. Moscow : Prospekt, 2020.

Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. New York : Routledge, 2008.

Kai J. Rising China in a Changing World. Singapore : Springer, 2017.

Power Transitions Strategies for the 21st Century / ed. by R. L. Tammen *et al.* New York : Chatham House Publishers, 2000.

Tammen R. L., Kugler J. Power Transition and China – US Conflicts // Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. Pp. 35–56.